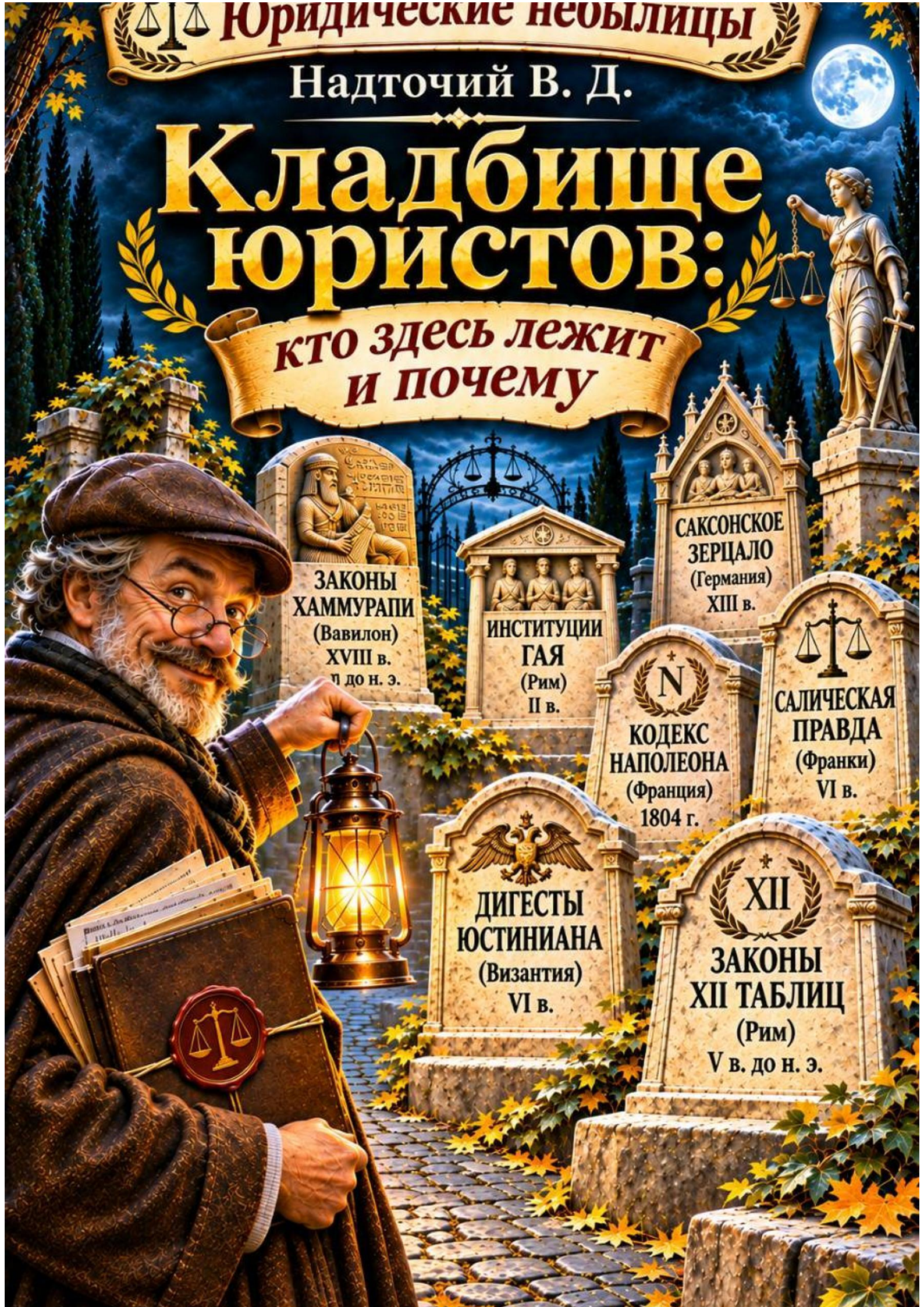
Юридические небылицы

Надточий В. Д.

Кладбище юристов:

кто здесь лежит и почему

Владислав Надточий

Юридические небылицы. Кладбище юристов: кто здесь лежит и почему

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Юридические небылицы. Кладбище юристов: кто здесь лежит и почему / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

На кладбище юристов даже смерть не является окончательным решением. Покойники подают апелляции, требуют восстановления пропущенных сроков и возражают против собственного захоронения.Семён Ильич, бывший практикующий юрист, а ныне сторож необычного кладбища, приглашает читателя прогуляться среди надгробий забытых правовых институтов. Здесь покоятся древнеримские судебные процедуры, средневековые испытания, исчезнувшие юридические профессии и устаревшие законы. Впрочем, некоторые покойники подозрительно напоминают наших современников.Почему римлянин мог проиграть суд из-за одного слова? Что общего между средневековой канцелярией и электронным документооборотом? Почему одни законы исчезают, а другие переживают целые государства?История права переплетается с профессиональными байками, судебными курьёзами и сатирой на человеческие слабости.Добро пожаловать на кладбище юристов! Вход свободный. Выход — после рассмотрения вашего ходатайства.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Сторож 6
Участок первый. Древний 8
Ордалии, или Божий суд 10
Кровная месть, или Как государство монополизировало семейные разборки 12
Участок второй. Российский 14
Крепостные конторы, или Приключения одной справки 16
Объективная истина, или Правда, которую суд не заказывал 19
Присяжные поверенные, или Адвокатура с того света 22
Участок третий. Современный 24
Юрист, который знал все статьи, или Профессиональная катастрофа в эпоху интернета 27
Презумпция невиновности, или Покойник, которого постоянно хоронят заживо 30
Адвокатская тайна, или Секрет, который хотят знать все 33
Письменная форма права, или Договор на сорок страниц о покупке табуретки 36
Кодификация, или Как законодатели пытались навести порядок в собственных законах 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Владислав Надточий
Юридические небылицы. Кладбище юристов: кто здесь лежит и почему

Юридические небылицы
Надточий В. Д.
Кладбище юристов:

кто здесь лежит и почему

Пролог. Сторож

На кладбище юристов не было ни одного покойника, который признал бы свою смерть окончательной.

Даже те, кого похоронили несколько столетий назад, время от времени подавали ходатайства о восстановлении пропущенного срока.

Ворота открывались не звонком, а повесткой. Мраморные плиты стояли ровными рядами, дорожки пересекались под прямым углом, а возле входа висела табличка: «Администрация кладбища не несёт ответственности за последствия неправильного толкования надгробных надписей».

Под ней кто-то мелким почерком приписал: «Кроме случаев, предусмотренных законодательством».

Сторож сидел возле калитки и пил чай из старой фарфоровой кружки. На столе лежал потрёпанный гражданский кодекс. Под одной из ножек стола обнаружился комментарий к нему.

— Вы юрист? — спросил сторож.

— Допустим.

— Хороший ответ. Сразу видно профессионала. Ничего не признали, ничего не опровергли.

Он достал из кармана связку ключей.

— Родственников ищете?

— Нет. Хотелось бы посмотреть, кто здесь похоронен.

— Тогда вам повезло. Сегодня приёмный день. Хотя некоторые наши постояльцы категорически возражают против употребления слова «похоронен».

— Почему?

— Считают, что решение об их смерти не вступило в законную силу.

Мы прошли через ворота. За высокими кипарисами виднелись античные колонны, дальше начинались средневековые каменные надгробия, а на горизонте возвышались современные памятники из чёрного гранита.

Возле одной могилы стоял почтовый ящик.

— Зачем покойнику почта?

— Переписка с государственными органами. Умер семьдесят лет назад, а окончательного ответа так и не получил.

Когда-то сторож сам был практикующим юристом. Представлял интересы клиентов, составлял договоры, участвовал в судебных заседаниях. Оставил практику после того, как получил письмо с предложением повторно представить документы, подтверждающие представление ранее представленных документов.

— Здесь спокойнее, — признался он. — Покойники хотя бы не звонят вечером в воскресенье с просьбой срочно посмотреть договор.

На первой развилке стоял указатель. Одна стрелка показывала в сторону Древнего Рима, другая — в Средневековье, третья — к современности. Четвёртая указывала в землю.

— А там что?

— Особые мнения.

Сторож протянул мне небольшой путеводитель.

— Здесь не людей хоронят, а ошибки права. Причём делают это медленно, обстоятельно, с соблюдением процедуры и обязательным составлением протокола.

— Значит, все похороненные здесь институты были ошибками?

— Вовсе нет. Некоторые прекрасно служили своему времени. Просто время закончилось, а они не заметили.

Мы направились к древнему участку. На первом надгробии была высечена виноградная лоза. Под ней стояла надпись: «Погиб вследствие неправильного употребления существительного».

— Знакомьтесь, — произнёс сторож. — Легисакционный процесс. Почтенный покойник.

Участок первый. Древний Легисакционный процесс

У подножия памятника рос настоящий виноград. Сторож сорвал сухой лист и положил его на камень.

— Только не называйте это деревом, — предупредил он. — Хотя здесь как раз следовало бы.

Римский юрист Гай в четвёртой книге своих «Институций» приводит пример человека, который предъявил иск по поводу срубленных виноградных лоз. Он употребил слово «лозы», тогда как закон XII таблиц говорил о деревьях. Такая ошибка могла стоить ему всего дела (Гай, Институции, IV, 11).

Представим себе этого землевладельца. Он возвращается домой после разбирательства. Жена встречает его у порога.

— Ну что, заплатит сосед за виноградник?

— Нет.

— Он доказал, что не рубил лозы?

— Нет, я доказал, что не умею правильно их называть.

Такова была трудность древнего процесса. Право требовало от участника точного воспроизведения установленных слов. Смысл произнесённого не всегда мог спасти человека от последствий ошибки.

Римляне, конечно, придумали судебный ритуал не для того, чтобы издеваться над согражданами. В обществе, где письменные документы ещё не получили повсеместного распространения, установленная формула помогала отличать юридически значимое действие от обыкновенного разговора. Она придавала спору определённость.

Беда начиналась там, где определённость превращалась в ловушку.

— У нас тоже любят определённость, — сказал сторож. — Один мой клиент принёс договор на проверку. В нём было девятнадцать страниц определений и ни одного понятного условия о том, когда ему заплатят.

— И что вы сделали?

— Спросил, зачем он заключает договор. Оказалось, об этом его ещё никто не спрашивал.

Римское право постепенно нашло иной способ организации судебного разбирательства. Распространение формулярного процесса, связанное в том числе с законом Эбуция и позднейшими законами Юлия, позволило приспосабливать письменную формулу к обстоятельствам спора. Гай рассказывает об этом в той же четвёртой книге (IV, 30). Перемена происходила не мгновенно: старые и новые формы некоторое время сосуществовали.

Сторож достал из сумки садовые ножницы и принялся подрезать виноград.

— Не торопитесь смеяться над римлянами. Попробуйте сначала вспомнить, сколько раз вы читали документ, из которого совершенно ясно, чего хочет человек, но который невозможно принять из-за ошибки в оформлении.

Я не ответил. У каждого практикующего юриста найдётся собственный виноградник.

— У меня, например, был клиент, который решил самостоятельно составить доверенность на продажу гаража. Взял образец из интернета. Гараж продать не смог, зато уполномочил брата представлять свои интересы в органах рыбоохраны. Брат даже удочку в руках не держал. Семья до сих пор не понимает, зачем ей такие широкие полномочия в отношении карася.

— Но ведь точность формулировок необходима?

— Конечно. Особенно если вы хотите продать гараж, а не организовать промысловое рыболовство.

На оборотной стороне памятника обнаружилась небольшая бронзовая табличка: «Посетителям разрешается возлагать цветы. Возложение растений иных ботанических категорий согласовывается с администрацией».

— Это кто придумал?

— Юридический отдел. Мы просили написать, чтобы люди не бросали мусор.

Сторож снял табличку и положил её в корзину. В корзине уже лежали три такие же.

Чтобы почувствовать себя участником римского процесса, достаточно заполнить современную анкету: тебя спрашивают о твоей жизни, но отвечать разрешают исключительно в пределах отведённых клеточек. Если жизнь оказалась сложнее анкеты, виновата, разумеется, жизнь.

Однажды в юридическую контору сторожа пришёл предприниматель с договором аренды. В договоре имелось подробное описание помещения, включая количество окон и дверей. Не было только адреса.

— А где помещение находится?

— Вы знаете, это пока обсуждается.

— А окна?

— Окна согласованы окончательно.

Предприниматель гордился тем, что договор уже прошёл три юридических отдела. Четвёртый, в лице сторожа, испортил людям праздник одним вопросом.

У хорошего юридического языка есть замечательное свойство: после его прочтения понятно, что делать. Если же для выяснения этого обстоятельства требуется ещё один договор, два заключения и совещание, на котором назначат следующее совещание, пора искать выход, а не восхищаться архитектурой лабиринта.

Сторож закрыл калитку виноградника.

— Пойдёмте. Следующий наш постоялец предлагал выяснять правоту гораздо быстрее. Правда, расходы на лечение в судебные издержки тогда не включали.

Ордалии, или Божий суд

У памятника стояла железная скамейка. На сиденье лежала дощечка с предупреждением: «В солнечную погоду не садиться».

— Единственное место на кладбище, где техника безопасности одновременно является историческим комментарием, — пояснил сторож.

Ордалиями называли испытания, результат которых воспринимался как проявление высшего суда. В разные эпохи и в разных обществах существовали испытания водой, огнём, раскалённым железом. Человеческое тело превращалось в доказательство, а исход испытания получал юридическое значение.

— Представьте, — предложил сторож, — что вы приходите к адвокату, а он вместо изучения документов интересуется, как вы переносите высокую температуру.

— Я бы сменил адвоката.

— А если другой специализируется на холодной воде?

Вера в возможность божественного вмешательства была частью тогдашних представлений о мире. При отсутствии привычных нам способов исследования обстоятельств испытание могло казаться способом разрешить спор, который человеческими средствами разрешить не удавалось.

Беда в том, что состояние раны зависело от множества обстоятельств, не связанных с правотой испытуемого. Даже без всякого обмана результат испытания не позволял достоверно установить, украл ли человек чужую корову.

Корове, кстати, в этой процедуре отводилась удивительно скромная роль. Никто не интересовался, куда она ушла, хотя именно с этого следовало бы начать расследование.

— У меня был похожий случай, — сказал сторож. — Клиент подозревал бухгалтера в хищении денег. Утверждал, что она покраснела, когда он задал вопрос.

— И что выяснилось?

— В кабинете не работал кондиционер. А деньги он сам перевёл поставщику. Нашли платёжное поручение. Клиент попросил не сообщать бухгалтеру, что мы нашли деньги. Хотел ещё немного воспитывать коллектив.

В 1215 году IV Латеранский собор ограничил участие духовенства в подобных испытаниях: канон 18 запрещал священнослужителям благословлять испытания горячей и холодной водой и раскалённым железом. Для европейской практики ордалий это стало важным ударом. Исчезновение испытаний происходило постепенно и не означало, что судебное доказывание сразу приобрело современный вид.

История вообще не любит аккуратных дат на надгробиях. Закон можно принять во вторник, а привычка, против которой он направлен, спокойно переживёт и вторник, и законодателя, и несколько последующих поколений его родственников.

Сторож открыл деревянный ящик возле памятника. Внутри лежали карточки с надписями: «У него глаза бегают», «Она слишком спокойно отвечает», «Честному человеку нечего скрывать».

— Что это?

— Современные родственники покойного. Приходят навестить дедушку.

Кто судит о правдивости по уверенности голоса, повторяет ошибку средневековых судей. Нервозность может объясняться страхом, усталостью или самим присутствием в суде. Спокойствие тоже не является удостоверением честности.

— Самый уверенный свидетель в моей практике, — вспомнил сторож, — подробно описал встречу, на которой не присутствовал. Когда ему показали документы о том, что в этот

день он находился в другом городе, он не растерялся. Сказал, что хорошо помнит встречу, но плохо помнит город.

— Суд поверил?

— Суд попросил его хотя бы определиться с географией.

Доказательство должно помогать установить обстоятельство, ради которого его представили. Попробуйте объяснить это человеку, который притащил в суд целую папку документов. Папка тяжёлая, документы подлинные, печати красивые. К спору не относится ничего.

Сторож однажды получил от доверителя такую папку и обнаружил в ней гарантийный талон на холодильник.

— Может пригодиться, — объяснил доверитель.

— В споре о взыскании задолженности?

— Ну вы же юрист. Придумайте.

На могильном камне ордалий не было ни даты рождения, ни даты смерти. Только изображение весов. На одной чаше лежал кусок железа, на другой — лист бумаги.

— Бумага победила? — спросил я.

— Пока ведёт по очкам. Но не забывайте, что на бумаге тоже можно написать глупость.

Кровная месть, или Как государство монополизировало семейные разборки

У третьей могилы сторож обнаружил двух посетителей. Один держал букет, другой — калькулятор. Они были братьями и уже двадцать минут спорили о том, кто должен оплачивать цветы.

— Родственники покойной? — поинтересовался сторож.

— Мы по наследственному делу.

— Тогда вам пока рано сюда. У вас всё только начинается.

Братья ушли, продолжая обсуждать стоимость букета. Сторож поднял с дорожки оброненный чек и положил его на скамейку. Даже этот чек братья, вероятно, ещё оспорят.

На надгробии кровной мести изображалось генеалогическое дерево. Несколько ветвей были аккуратно спилены.

— Поначалу, — объяснил сторож, — потерпевший род сам заботился о восстановлении справедливости. Услуги судебного исполнителя не требовались. Исполнение решения обеспечивалось родственниками, причём круг заинтересованных лиц расширялся после каждого исполнения.

— А когда заканчивался спор?

— Иногда вместе с участниками.

В обществах, где публичная власть ещё не могла обеспечить постоянную защиту каждого человека, родственная солидарность имела огромное значение. Угроза возмездия служила средством сдерживания. Однако каждая сторона считала собственное насилие ответом на чужое, а чужое — новым преступлением.

Представим двух соседей, поссорившихся из-за границы земельного участка. Современный юрист предложит им изучить документы, пригласить специалиста и попытаться договориться. В условиях родовой мести к спору могли присоединиться люди, которые участка никогда не видели, зато прекрасно знали, что обижать их двоюродного дядю нельзя.

— У меня однажды клиент привёл на переговоры семерых родственников, — вспомнил сторож. — Я попросил остаться только тех, кто имеет отношение к договору. Остался один человек. И тот оказался водителем.

Переход от возмездия к денежному возмещению происходил в разных обществах неодинаково. В древнерусском праве его можно проследить по редакциям Русской Правды. Краткая редакция ещё допускала месть за убийство со стороны определённых родственников. Пространная редакция сообщала об отмене такого порядка сыновьями Ярослава и замене мести денежным взысканием. Вира за убийство поступала князю; наряду с ней древнерусское право знало и выплаты в пользу пострадавших либо их близких. Сводить все эти платежи к современному возмещению вреда было бы неверно.

— Значит, князь придумал штрафы?

— Не он первый. Но государственная власть постепенно обнаружила, что общественный порядок лучше обеспечивать собственными средствами, чем ждать, пока две семьи самостоятельно сократят численность населения.

Деньги не возвращали погибшего. Они позволяли завершить конфликт без новой смерти. Это был существенный шаг, хотя величина взысканий зависела от общественного положения человека и отражала неравенство той эпохи.

На соседней скамейке сидела женщина с толстой папкой.

— Простите, — обратилась она к сторожу, — если я выиграю дело, ответчик будет страдать?

— Смотря какое решение вынесет суд.

— Мне деньги не нужны. Мне нужно, чтобы он понял.

— Тогда почему в иске три миллиона?

— Чтобы лучше понял.

Сторож хорошо знал эту арифметику. В ней размер требования определялся не документами, а глубиной обиды. Чем хуже человек спал после ссоры, тем дороже становился предмет спора.

Право не может запретить человеку испытывать гнев. Оно способно ограничить способы, которыми человек выражает этот гнев в отношении других. В суде ищут способ защитить нарушенное право, а не возможность отомстить обидчику.

Иногда клиент приходит к юристу не за восстановлением нарушенного права, а за подтверждением того, что его противник — негодяй. Для такой цели суд приспособлен плохо. Даже выигранное дело не обязывает ответчика стать приятным человеком, а исполнительный лист не содержит графы для раскаяния.

— Самый трудный разговор, — сказал сторож, — когда объясняешь клиенту, что его бывший партнёр вправе быть неприятным. Законодатель пока не установил ответственность за характер. Хотя спрос на такую норму колоссальный.

Женщина с папкой задумалась и спросила, нельзя ли хотя бы взыскать расходы на успокоительные.

Сторож посоветовал ей сначала определить, чего именно она хочет добиться, и только потом обсуждать требования с представителем.

Мы пошли дальше. За оградой могилы росла молодая рябина. На её ветке кто-то привязал ленточку с надписью: «Не забуду».

— Опять посетители? — спросил я.

— Да. У покойной удивительно деятельные наследники. Только теперь они чаще пользуются электронной почтой.

Настойчивость в суде не всегда означает жажду мести. Человек может годами добиваться исполнения обязательства именно потому, что добровольно его никто не исполняет. Отказ от личного возмездия имеет смысл лишь там, где существует доступная и действенная правовая защита. Иначе призыв не брать справедливость в собственные руки звучит как предложение оставить её вообще без рук.

У выхода с древнего участка сторож остановился возле урны. На ней было написано: «Для взаимных претензий, утративших практическое значение».

Урна была пуста.

— Недавно поставили? — спросил я.

— Двадцать лет назад.

Участок второй. Российский
Стряпчие и ябедники

На российском участке продавали бахилы. Не для чистоты: сторож объяснил, что дорожки здесь проложены по старым судебным делам и посетителям желательно не оставлять новых следов.

У входа нас встретил господин в потёртом сюртуке. Он предложил провести экскурсию без очереди.

— А очередь где? — спросил я.

— Пока нигде. Но за отдельную плату могу организовать.

Сторож узнал его и велел отойти от посетителей.

— Это местный предприниматель. При жизни помогал людям преодолевать препятствия, после смерти специализируется на их создании. Очень удачно совместил обе профессии.

За кустами обнаружилась длинная скамья. На ней лежали папки, перевязанные тесёмками. Из одной торчал засохший цветок.

— Вещественное доказательство?

— Нет, букет к годовщине подачи прошения.

До судебной реформы 1864 года российское судопроизводство представляло собой сложный мир письменных процедур, сословных различий и канцелярских порядков. Человеку, впервые столкнувшемуся с этим миром, требовался проводник. Не всякий мог самостоятельно составить прошение, определить нужное учреждение и понять, отчего бумага, поданная весной, к осени оказалась в том же кабинете, но уже на другой полке.

Профессиональная помощь существовала и тогда. Однако единой корпорации адвокатов с установленными требованиями к образованию и профессиональной ответственности ещё не было. Само слово «стряпчий» в разные периоды обозначало различные должности и занятия. Записывать всех стряпчих в мошенники не стоит. На кладбище, к счастью, не практиковали коллективного захоронения по профессиональному признаку.

Ябедничество представляло другую сторону юридического ремесла: использование тяжбы ради самой тяжбы, извлечение выгоды из чужого конфликта, умение превратить простое дело в многолетний источник дохода.

— Вот здесь, — сказал сторож, — покоится специалист по земельным спорам. Однажды взялся разделить огород между двумя братьями. К концу процесса огород принадлежал третьему лицу, братья не разговаривали, а специалист построил дом.

— На спорной земле?

— Нет. Он был осторожным человеком.

Возле памятника стояла женщина с корзинкой яблок. Она искала представителя для спора с соседом, который посадил грушу слишком близко к забору.

Господин в сюртуке мгновенно оживился.

— Прежде всего необходимо выяснить происхождение груши. Кто приобретал саженец? На чьи средства? Имеются ли свидетели посадки? Не произошло ли самовольного перемещения забора в сторону дерева?

— Мне бы только ветки обрезать.

— Не торопитесь. Ветки — это результат. Мы должны исследовать корни.

Женщина крепче прижала корзинку.

Сторож предложил ей поговорить с соседом и выяснить, нельзя ли решить вопрос без тяжбы.

Господин в сюртуке посмотрел на него с искренним ужасом.

— Вы лишаете спор перспективы!

— Именно этого она и хочет.

Женщина ушла. Предприниматель проводил её взглядом человека, у которого только что отняли пенсионное обеспечение.

Судебная реформа Александра II изменила не только устройство судов, но и положение судебного представителя. Судебные уставы 20 ноября 1864 года предусмотрели институт присяжных поверенных. Возникла профессиональная среда, в которой квалификация, независимость и ответственность представителя получили особое значение. Реформа распространялась постепенно, а злоупотребления пережили её.

Но теперь существовал иной идеал профессии. Юрист должен был помогать человеку защищать право, а не просто владеть секретами передвижения бумаг.

— Знаете, что самое неприятное для хорошего адвоката? — спросил сторож. — Иногда лучший результат его работы невозможно показать в виде судебного решения. Клиент ничего не потерял, потому что вовремя отказался от плохой сделки. Соседи помирились. Партнёры исправили договор. А потом все удивляются, за что заплатили.

— И что отвечать?

— Что пожарный тоже не обязан поджигать дом, чтобы продемонстрировать квалификацию.

Мы остановились возле небольшой конторы. На двери висел прейскурант: составление прошения, исправление прошения, выяснение причин неисправления прошения. Последняя услуга стоила дороже первых двух вместе.

За столом сидел молодой человек в современном костюме. Он внимательно изучал старинный образец жалобы.

— Вы историк? — спросил я.

— Конкурент. Изучаю бизнес-модель.

Он показал нам договор на юридические услуги. В предмете договора значилось сопровождение спора до достижения результата. Результатом, согласно следующему пункту, считалось совершение исполнителем действий по сопровождению спора.

Сторож прочитал оба пункта дважды.

— Великолепно. Вы договорились сами с собой и пригласили клиента оплатить торжество.

Молодой человек обиделся. Он объяснил, что никто не вправе гарантировать решение суда.

— Совершенно верно, — согласился сторож. — Но можно вполне определённо сказать, какую работу вы обязуетесь выполнить. Не надо путать отсутствие гарантии победы с отсутствием обязательств вообще.

Мы оставили его за переделкой договора. Он начал с увеличения размера шрифта в разделе об оплате.

На выходе я спросил, почему на могиле ябедника нет даты смерти.

Сторож снял очки и протёр стёкла.

— Мы получили заявление о признании его умершим. Потом возражение. Потом встречное заявление. Сейчас рассматриваем вопрос о том, кто вправе представлять его интересы.

— Давно?

— С открытия кладбища. Он сам предложил свои услуги.

Крепостные конторы, или Приключения одной справки

За конторой ябедника начиналась очередь. Она огибала часовню, пересекала дорожку и заканчивалась возле скамейки, на которой спал человек в сюртуке.

— Кто последний? — спросил я.

Человек открыл один глаз.

— По наследству или по купле?

— Просто посмотреть.

— Тогда вы передо мной. Я с тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года.

В начале очереди стоял господин с папкой, перевязанной тесьмой. Он продавал дом. Покупатель дома, судя по надписи на соседнем памятнике, уже успел приобрести участок совершенно другого назначения.

— Почему сделка не состоялась?

— Состоялась бы, если бы продавец принёс документ о принадлежности дома. Но документ находился в доме, а дом был опечатан по другому делу.

— И что сделал продавец?

— Купил второй дом, чтобы было где хранить документы на первый.

Сторож провёл меня через боковую дверь. В помещении пахло воском, чернилами и шерстяными пальто. На подоконнике лежал песок для просушки написанного. За высоким столом чиновник выводил буквы с такой тщательностью, словно от наклона каждой зависело положение земной оси.

Крепостной порядок оформления сделок возник не ради развлечения канцелярских служащих. Переход имущества требовал надёжного удостоверения. Покупатель хотел знать, действительно ли продавец владеет имением, не продал ли его вчера другому человеку и не обещал ли ещё позавчера кредитору. Государство тоже желало знать, что происходит с собственностью и какие сборы ему причитаются.

Старинный чиновник и современный специалист по проверке недвижимости прекрасно поняли бы друг друга. Правда, первый пришёл бы на встречу с чернильницей, а второй с ноутбуком. Через час оба обнаружили бы, что им не хватает одной выписки.

В Российской империи порядок удостоверения имущественных актов менялся. Положение о нотариальной части 1866 года закрепило новую организацию нотариата. При оформлении прав на недвижимость особую роль играли старшие нотариусы и крепостные реестры. Поэтому нельзя считать, что весь прежний порядок исчез в один день после революции: менялись и учреждения, и правила, и само содержание права собственности.

— Обратите внимание, — сказал сторож, — слово «крепостной» здесь относится к оформлению акта. Хотя посетитель после третьего визита начинал понимать его несколько иначе.

К столу подошла пожилая дама.

— Я желаю подарить дом племяннику.

— Племянник согласен?

— Он ещё не знает.

— А остальные родственники?

— Они как раз знают. Поэтому я и тороплюсь.

Чиновник попросил документы. Дама вынула из сумочки маленький свёрток. Затем второй, третий и, наконец, ключ от сундука.

— Остальное привезут после обеда.

— Сундук?

— Нет, телегу.

Сторож тихонько увёл меня в соседнюю комнату. Здесь на стене висели образцы подписей. Под одним росчерком стояла пояснительная записка, занимавшая половину листа.

— Подпись неразборчива?

— Наоборот. Слишком разборчива. В предыдущем документе этот господин подписался так, что никто не ожидал от него подобной грамотности.

Проверка личности, полномочий и прав на имущество нужна и сегодня. Если проверяющий не способен объяснить, какой риск устраняет очередная бумага, возможно, он проверяет уже не сделку, а терпение её участников.

В дальнем углу комнаты сидел человек с современной пластиковой папкой. На коленях у него лежала распечатка электронного документа.

— Я из нашего времени, — сообщил он. — Меня направили сюда за оригиналом.

— Оригиналом электронного документа?

— Именно. Сказали, что распечатка не оригинал. Я предложил электронный файл. Сказали, что файл нельзя подшить.

— И чем закончилась беседа?

— Меня попросили принести флешку с печатью.

Чиновник в сюртуке с интересом прислушался.

— А что такое флешка?

— Маленькая вещь, в которую помещается вся ваша контора.

Чиновник окинул взглядом шкафы, затем посмотрел на посетителя с искренним сочувствием.

— Представляю, какая там очередь.

На кладбище имелся особый музей канцелярских изобретений. Среди экспонатов стояла папка с надписью «Срочно». Внутри находилось письмо, автор которого просил ускорить рассмотрение предыдущего срочного письма. Рядом лежала папка «Особо срочно». В ней хранилась переписка о местонахождении первой папки.

— А это что? — Я указал на пустую полку.

— Решение вопроса.

Мы вернулись к продавцу дома. За время нашего отсутствия очередь продвинулась на одного человека. У продавца появился новый документ: подтверждение того, что его прежнее заявление принято к рассмотрению.

— Поздравляю, — сказал сторож. — Теперь у вас есть собственность, которую никто не оспаривает.

— Дом?

— Подтверждение.

Продавец задумался, потом спросил, можно ли заложить подтверждение и на вырученные деньги нанять поверенного.

За шуткой скрывались вполне реальные убытки. Чем дороже и медленнее оформление имущественного права, тем труднее собственнику им распорядиться. Покупатель может отказаться от сделки, кредитор потребовать дополнительных гарантий, предприниматель упустить выгодный момент. Надёжность оборота достигается не количеством препятствий, а качеством проверки.

Однажды, рассказывал сторож, к нему пришли двое предпринимателей. Они хотели заключить договор аренды небольшого помещения. Первый принёс проект на двадцать страниц, второй нанял консультанта, который добавил ещё двадцать семь. На сорок восьмой странице стороны наконец указали адрес помещения. Адрес оказался неверным.

— Что вы им посоветовали?

— Начать переговоры с прогулки до объекта.

— Помогло?

— Да. Помещение им обоим не понравилось.

Сторож остановился у надгробия крепостной конторы. Камень был украшен изображением раскрытой книги. Возле него стояла молодая нотариус с букетом цветов.

— Вы пришли почтить память предшественников?

— И поблагодарить. Без них мы бы каждый раз выясняли, кому принадлежит дом, по показаниям соседей.

— А что вы не хотели бы унаследовать?

Она взглянула на очередь.

— Представление, будто человек приходит к нам за разрешением жить. Он приходит за юридической помощью.

Сторож кивнул. Ему понравился ответ.

На выходе из конторы нам предложили заполнить книгу отзывов. Я написал, что экскурсия была полезной. Чиновник попросил уточнить, в какой части.

Я указал древний и российский участки.

— В двух экземплярах, пожалуйста. Участки находятся в ведении разных подразделений.

Сторож забрал у меня перо и положил его на стол.

— Пойдёмте. Иначе к вечеру нам предложат согласовать впечатления с покойниками.

Объективная истина, или Правда, которую суд не заказывал

За конторой начинался небольшой сад. На скамейке сидели двое мужчин и делили яблоко. Один утверждал, что ему принадлежит половина, другой настаивал на целом. Яблоко тем временем доедал третий, которого к участию в споре никто не привлёк.

— Вот вам гражданский процесс в миниатюре, — сказал сторож. — Пока определяли предмет спора, исчез предмет спора.

В глубине сада стоял памятник объективной истине. У подножия лежали свежие цветы, а на ограде висели две таблички. На первой было написано, что истина умерла. На второй сообщалось, что доказательств смерти не представлено.

У памятника мы встретили судью в отставке. Он пришёл с лопатой.

— Хотите раскопать прошлое? — поинтересовался сторож.

— Посадить сирень. В прошлом я уже достаточно покопался. Однажды разбирал спор о границе двух огородов. Начали с межевого плана, закончили выяснением обстоятельств свадьбы в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году.

— А свадьба имела отношение к земле?

— Как выяснилось, жених тогда передвинул забор. Из любви. К дополнительным трём квадратным метрам.

Судья снял пиджак и принялся за работу. Земля была плотная, с корнями. Сторож предложил ему помощь, но тот отказался: за годы службы привык самостоятельно разбираться в том, что другие успели основательно запутать.

В советском гражданском процессе на суд возлагалась активная роль в выяснении обстоятельств дела. От него ожидали, что он не ограничится пассивным наблюдением за спором. Российская реформа гражданского процесса 1995 года усилила состязательное начало. Это не означало, что истина перестала интересовать суд. Изменилось прежде всего распределение обязанностей между участниками разбирательства. В разных правопорядках это распределение складывалось по-разному.

— Представьте, — предложил судья, — что к вам пришли два человека. Один требует вернуть деньги, другой уверяет, что никогда их не брал. Что вы сделаете?

— Попрошу документы.

— Первый принесёт расписку. Второй скажет, что подписал её в состоянии крайнего удивления.

— Назначу экспертизу, если для этого будут основания.

— Эксперт подтвердит подпись. Тогда второй объяснит, что деньги получил, но исключительно для того, чтобы первому было приятно.

— И что дальше?

— Дальше вы познакомитесь с его родственниками. Они все прекрасно помнят, как он не получал деньги. Особенно те, кто в тот день находился в другом городе.

Сторож рассмеялся. Судья же говорил совершенно серьёзно. В его профессии некоторые истории становились смешными лишь спустя несколько лет после вынесения решения.

Мы сели на скамейку. Я спросил, не лучше ли было бы предоставить суду возможность самому разыскивать всё необходимое для установления истины.

— Иногда необходимо содействие суда, — ответил судья. — Но представьте себе состязание, в котором арбитр начинает бегать за мячом. Даже если он прекрасный футболист, у игроков возникнут вопросы.

— Особенно если забьёт гол, — добавил сторож.

Из соседней аллеи донёсся шум. Молодой человек в дорогом костюме пытался вручить садовнику папку.

— Здесь семьсот страниц доказательств!

— Чего именно?

— Моей правоты.

Садовник открыл папку. Первые двадцать страниц составляли фотографии переписки, следующие пятьдесят — фотографии тех же фотографий. Дальше шли распечатки писем, которыми представитель отправлял фотографии своему помощнику.

— А договор где?

Молодой человек побледнел.

— Договор у доверителя. Он обещал прислать.

Судья прислонил лопату к ограде.

— В своё время я мечтал, чтобы стороны приносили больше доказательств. Теперь, когда вижу такие папки, думаю, что мечты следовало формулировать точнее.

Количество представленных документов не определяет их доказательственной силы. Иногда одна банковская выписка даёт больше сведений, чем толстый том переписки. Но толстый том производит впечатление на клиента. Особенно если гонорар зависит от количества подготовленных страниц.

Молодой человек возмутился:

— Я работал над этим материалом всю ночь!

— Вижу, — сказал сторож. — Принтер тоже. А кто из вас будет выступать в суде?

Тот ушёл, обиженно прижимая папку к груди.

Судья рассказал ещё об одном деле. Два предпринимателя спорили о качестве поставленного оборудования. Каждый привёл специалиста. Первый специалист утверждал, что оборудование великолепно, второй — что его нельзя даже включать. Оба имели солидные дипломы. Когда наконец осмотрели саму машину, оказалось, что спорщики всё это время обсуждали разные модели.

— Они хотя бы извинились?

— Нет. Попросили дополнительное время для уточнения позиций.

У истины есть неудобное свойство: она способна испортить хорошо подготовленное выступление. Юрист, который заранее влюбился в собственную версию событий, рискует перестать замечать всё, что с ней не согласуется. Именно поэтому проверять свою позицию полезнее до заседания, когда ещё можно спокойно позвонить доверителю и задать неприятный вопрос.

Сторож вспомнил клиента, который требовал взыскать долг по договору поставки. Документы выглядели безупречно. Перед подачей иска сторож спросил, не поступали ли от покупателя какие-нибудь платежи.

— Поступали, — ответил клиент.

— Сколько?

— Вся сумма.

— Тогда чего вы хотите взыскать?

— Он заплатил с таким выражением лица, будто сделал мне одолжение.

Клиенту предложили отказаться от судебного разбирательства. Он ушёл искать юриста, который лучше разбирается в выражениях лиц.

Судья закончил сажать сирень и попросил принести воды. Мы помогли ему полить землю.

— Знаете, чего мне не хватает на пенсии? — спросил он.

— Заседаний?

— Возможности сказать человеку, что его дело наконец закончено. Некоторые годами живут внутри одного спора. У них уже дети выросли, фирмы закрылись, соседи переехали, а они всё ещё доказывают, кто кому должен был передать ключи от гаража.

На памятнике не было даты смерти. И это показалось мне разумным. Вопрос о том, как соотносятся поиск истины, беспристрастность суда и ответственность сторон за доказывание, не решается одной исторической датой. Состязательность не освобождает от необходимости оценивать доказательства, а стремление выяснить обстоятельства не оправдывает превращение судьи в представителя одной из сторон.

Мы попрощались с судьёй. Он остался возле сирени, внимательно рассматривая криво установленную ограду.

— Не трогайте, — предупредил сторож. — Соседняя могила принадлежит земельному праву. Если передвинете ограду, до весны не уйдёте.

Судья убрал лопату. Впервые за всю экскурсию я увидел человека, которому юридическая консультация помогла немедленно и совершенно бесплатно.

Присяжные поверенные, или Адвокатура с того света

У следующего памятника стоял господин в старомодном сюртуке. Он держал трость и внимательно изучал объявление о стоимости кладбищенских услуг.

— Простите, — обратился он к сторожу, — почему погребение адвоката стоит дороже погребения остальных граждан?

— В стоимость входит рассмотрение возражений покойного.

Господин кивнул и попросил прейскурант в двух экземплярах. Сторож представил его как присяжного поверенного, который навещал собственную могилу исключительно для поддержания профессиональной формы.

— Я, собственно, не умер, — пояснил господин. — Упразднили моё звание. Представьте себе, что у вас отобрали визитную карточку, а потом сто лет обсуждали, куда вы делись.

Судебная реформа 1864 года изменила устройство российского правосудия. Судебные уставы предусмотрели институт присяжных поверенных. К кандидатам предъявлялись требования, связанные с юридическим образованием, профессиональным опытом и благонадёжностью. Появилась организованная адвокатура, хотя её устройство и степень самостоятельности не оставались неизменными.

— Выходит, раньше для защиты человека достаточно было уметь говорить, а потом потребовалось ещё и образование?

— Образование требовалось для того, чтобы знать, когда следует перестать говорить. Некоторые мои современные коллеги до сих пор не сдали этот экзамен.

Поверенный предложил нам присесть. Из внутреннего кармана он извлёк записную книжку, в которой вместо телефонных номеров стояли фамилии доверителей и суммы гонораров.

— Вот купец. Поручил мне дело о взыскании убытков с компаньона. Я изучил бумаги и объяснил, что убытки возникли вследствие его собственных распоряжений. Он спросил, нельзя ли взыскать их с компаньона хотя бы частично, поскольку тот недостаточно решительно возражал.

— И что вы сделали?

— Выставил счёт за консультацию. Это были единственные убытки, которые он мог достоверно подтвердить.

Сторож рассмеялся. Поверенный, однако, остался серьёзен. Он считал, что профессиональная этика начинается именно там, где заканчивается приятный разговор с доверителем.

Возможность отказаться от заведомо бесперспективной затеи иногда оказывается важнее способности произнести блестящую речь. Но клиенту трудно объяснить, за что он платит, если итогом работы юриста становится отсутствие судебного процесса. В его представлении юрист должен хотя бы кого-нибудь вызвать в суд. Иначе возникает подозрение, что деньги ушли на обыкновенное здравомыслие, которое в семье клиента принято получать бесплатно.

— У нас был один посетитель, — вспомнил сторож. — Просил составить договор, по которому он получал бы прибыль при любых обстоятельствах, а его партнёр нёс бы расходы при любых обстоятельствах.

— И партнёр согласился?

— Партнёр оказался его женой. Она прочитала договор и предложила начать с раздела имущества.

Поверенный попросил записать эту историю. Ему хотелось показать её коллегам на ближайшем собрании.

На кладбище существовал небольшой зал судебных заседаний. Его построили для покойных институтов, которые скучали по работе. В этот день там разбирали спор о праве собствен-

ности на скамейку. Истцом выступала администрация, ответчиком — садовник, а третьим лицом признали кота, который спал на спорном имуществе.

Поверенный согласился представлять садовника. Судья спросил, на каком основании тот считает скамейку своей.

— Мой доверитель изготовил её из собственных досок.

— Но установил на территории кладбища!

— Ваша честь, если следовать такой логике, всякий посетитель, оставивший здесь зонтик, совершает дарение недвижимости. Прошу не распространять правовой режим земельного участка на личные вещи граждан.

Кот потянулся. Секретарь внесла в протокол, что третье лицо не возражает против продолжения заседания.

Администрация предъявила фотографию скамейки, сделанную после установки. Поверенный осмотрел снимок.

— Прекрасно. Теперь мы знаем, что скамейка существовала. Осталось выяснить, кому она принадлежит. Если фотография удостоверяет право собственности, мой доверитель готов немедленно сфотографировать здание суда.

Судья отложил фотографию и предложил сторонам обсудить мировое соглашение. Садовник согласился оставить скамейку на месте при условии, что администрация будет её красить. Администрация согласилась при условии, что садовник предоставит краску. Кот получил право пользоваться скамейкой без предварительной записи.

На выходе поверенный выглядел довольным.

— Хорошее дело. Никому не пришлось продавать вторую скамейку, чтобы оплатить спор о первой.

В 1917 году Декрет о суде № 1 упразднил прежние судебные учреждения, в том числе институт присяжной и частной адвокатуры. В дальнейшем появились другие формы организации юридической помощи. Это была не простая смена вывески: менялись отношения адвокатуры с государством, условия допуска к профессии и возможности профессионального самоуправления.

Но потребность человека в независимой юридической помощи не исчезла вместе с дореволюционными учреждениями. Даже самая подробная инструкция для судьи не заменяет защитника, который способен заметить, что инструкция применяется не к тому человеку или не к тем обстоятельствам.

— А вы бы согласились работать в современном суде? — спросил я поверенного.

— С удовольствием. Только объясните, почему в электронном деле двести страниц, если спор касается трёх строк договора.

— Остальное подтверждает, что эти три строки были направлены всем участникам процесса.

Он долго смотрел на меня, ожидая продолжения шутки. Потом вздохнул и попросил показать дорогу к крепостным конторам. Там, по его словам, хотя бы не требовали пароль от бумаги.

Мы проводили его до развилки. На пустом памятнике присяжным поверенным кто-то оставил свежий цветок. Сторож поправил его и заметил, что адвокатура переживает реформы не благодаря красноречию, а потому, что человеку по-прежнему нужен собеседник, которому можно рассказать всю историю, включая ту её часть, которую совершенно не хочется рассказывать суду.

Из зала заседаний донёсся шум. Кот занял кресло судьи. Администрация потребовала немедленно освободить помещение, но секретарь уже объявила перерыв.

— Наконец-то, — сказал сторож, — председательствующий, которому достаточно одного взгляда, чтобы стороны перестали спорить.

Участок третий. Современный Бумажный документ и живая печать, или Бессмертие канцелярии

На современном участке пахло свежей типографской краской. Между памятниками стоял копировальный аппарат. Он работал, хотя электричество к нему явно не подводили.

— На чём он держится? — спросил я.

— На страхе сотрудников потерять оригинал. Неисчерпаемый источник энергии.

У входа в павильон электронного документооборота стояла очередь. Первым был мужчина с флешкой, вторым — женщина с ноутбуком, третьим — курьер с тележкой. Курьер привёз распечатанные электронные документы первых двух посетителей.

Сторож провёл меня внутрь. За стеклом лежала круглая печать с деревянной ручкой. Рядом стоял стакан воды и тарелка с печеньем.

— Она живая?

— Судя по расходам на её содержание, вполне. У неё даже есть ответственный сотрудник. У меня, между прочим, нет.

На стене висел портрет директора учреждения, торжественно перерезающего ленту в честь перехода на безбумажную работу. Под портретом громоздились коробки с документами о проведении мероприятия.

В павильоне как раз принимали нового сотрудника. Начальница отдела попросила его объяснить преимущества цифровизации.

— Мы перестанем тратить деньги на бумагу, — уверенно начал он.

Начальница нахмурилась.

— Молодой человек, у нас заключён годовой договор на поставку бумаги. Вы предлагаете начать цифровизацию с нарушения договорных обязательств?

Сотрудник растерялся и предложил экономить время.

— Вот это другое дело. Напишите служебную записку. В трёх экземплярах.

Сторож отвёл меня к окну. Там сидела женщина, пытавшаяся получить справку о принадлежности ей небольшого дома. В электронном реестре дом числился за ней, но сотрудник потребовал документ, подтверждающий сведения реестра.

— Кто выдаёт этот документ? — спросила женщина.

— Мы.

— Так выдайте.

— Для выдачи необходимо подтвердить сведения.

— Где?

— В нашем реестре.

Женщина посмотрела на экран сотрудника, потом на его лицо. По выражению лица было понятно, что экран вызывает у неё больше доверия.

Сторож предложил позвать руководителя. Руководитель внимательно выслушал обе стороны и принял решение создать рабочую группу. Женщина ушла домой, поскольку дом, в отличие от рабочей группы, существовал уже сорок лет.

В действительности бумажный документ заслуживает гораздо большего уважения, чем ему оказывают его наиболее ревностные поклонники. На протяжении столетий письменная форма позволяла сохранять содержание сделок, удостоверять права и устанавливать, кто именно принял решение. Документ переживал свидетелей, должностных лиц и иногда даже государство, в котором был составлен.

Электронная форма не уничтожила эту функцию. Она изменила способ её осуществления. Вопросы подлинности, целостности, авторства и доступности документа никуда не исчезли. Просто вместо чернил, сургуча и почерка юристу приходится разбираться в электронных подписях, сертификатах и правилах хранения данных.

Бумага, в свою очередь, не утратила юридического значения только потому, что кто-то приобрёл новый сервер. В разных правопорядках и для разных видов документов требования к форме и удостоверению могут существенно различаться. Поэтому хоронить её целиком было бы преждевременно.

— Мы и не хороним, — подтвердил сторож. — Мы пытаемся выселить её из тех помещений, где она занимает чужую должность.

В соседней комнате заседала комиссия по уничтожению ненужных документов. Председатель предложил уничтожить старые акты об уничтожении документов.

Бухгалтер возразила: если уничтожить акты, нельзя будет доказать, что документы уничтожены законно.

— Тогда составим новый акт, — предложил председатель.

— Об уничтожении актов?

— Именно.

— А его когда уничтожать?

Председатель попросил объявить обеденный перерыв. Впервые за утро комиссия приняла решение, которое удалось исполнить без дополнительных документов.

За обедом к нам присоединился архивариус. Он был человеком обстоятельным и, прежде чем взять соль, уточнил, общая ли она или принадлежит кому-то из присутствующих.

— Вы смеётесь над архивами, — сказал он. — А я однажды нашёл договор, благодаря которому семья сохранила квартиру. Все участники сделки давно умерли. Бумага осталась.

Сторож поставил чашку.

— Вот за это я архивы и люблю. Только объясните, зачем вы храните заявку на приобретение шкафа, в котором хранится заявка на приобретение другого шкафа?

— Чтобы при проверке было понятно, откуда взялся первый шкаф.

— А второй?

— Второй не купили. Не хватило места.

Архивариус оказался прав в главном. Сохранение юридически значимой информации требует не только технических средств, но и организации. Документ, который невозможно найти или прочитать спустя годы, может оказаться бесполезным независимо от того, записан он на бумаге или в цифровом хранилище.

В дальнем углу павильона находился испытательный стенд. На нём демонстрировали идеальную электронную систему. Посетителю предлагалось подать заявление, получить решение и обжаловать его, не выходя из комнаты.

Я ввёл данные. Система сообщила, что моё заявление принято. Через секунду она уведомила меня о необходимости подтвердить адрес электронной почты. Письмо для подтверждения не пришло.

Сотрудник стенда предложил обратиться в службу поддержки.

— Как?

— Через личный кабинет.

— Но я не могу войти в личный кабинет.

— Это и следует указать в обращении.

Сторож достал из кармана карандаш и листок бумаги. Сотрудник испуганно оглянулся на начальницу.

— Уберите, пожалуйста. У нас демонстрация инноваций.

В этот момент погас свет. Начальница велела всем записать время сбоя. Карандаш сторожа немедленно повысили до средства обеспечения непрерывности деятельности.

Когда электричество вернулось, система потребовала заново заполнить заявление. Сотрудник утешил меня тем, что в новой версии интерфейса кнопка отправки стала заметно красивее.

Я подумал о римлянине, проигравшем спор из-за названия виноградной лозы. Если бы он оказался здесь, ему пришлось бы сначала доказать, что его браузер поддерживает виноградарство.

Однако цифровые инструменты действительно способны облегчить жизнь человеку. Возможность подать документ дистанционно, проверить его статус, получить доступ к материалам дела и не тратить день на дорогу в учреждение — не мелочь. Для человека, живущего далеко от административного центра, это может означать реальную доступность юридической защиты.

Проблема начинается там, где удобство учреждения выдаётся за удобство гражданина. Если новая процедура требует от посетителя выполнить работу, которую прежде выполняли три сотрудника, экономия времени вполне возможна. Только не его времени.

У выхода из павильона стоял маленький памятник. На нём была изображена рука с печатью. Надпись гласила: «Удостоверяла всё, кроме собственной необходимости».

Сторож снял с памятника упавший лист.

— Знаете, я бы оставил печати одну почётную обязанность.

— Какую?

— Ставить их на распоряжениях об отмене ненужных печатей. Чтобы уходили с достоинством.

Мы уже собирались уходить, когда нас догнал курьер. Он принёс акт о завершении экскурсии по безбумажному павильону.

— Подпишите здесь, здесь и на обороте.

— А электронный экземпляр есть?

— Конечно. Как только подпишете бумажный, мы его отсканируем.

Сторож подписал акт и попросил копию.

Курьер просиял. Наконец-то ему попался человек, понимавший, ради чего всё это затевалось.

Юрист, который знал все статьи, или Профессиональная катастрофа в эпоху интернета

У следующего памятника толпились студенты. Один из них фотографировал надгробие, второй искал в интернете значение надписи, третий пытался выяснить, будет ли это на экзамене.

На постаменте возвышался бронзовый человек с раскрытым кодексом. Книгу он держал вверх ногами. Скульптор объяснил это тем, что покойный всё равно знал её наизусть.

— Великолепная память была у человека, — сказал сторож. — Однажды ему позвонили из бухгалтерии и попросили назвать номер статьи. Он назвал номер, редакцию, дату вступления в силу и фамилию министра. Бухгалтерия перезвонила через час. Оказывается, ей требовалась статья расходов.

Из-за памятника вышел пожилой господин в безукоризненном костюме. Под мышкой он нёс три тома законодательства.

— Прошу не путать меня с покойником, — предупредил он. — Я здесь на общественных началах.

— Это Семён Аркадьевич, — представил его сторож. — Наш специалист по вопросам, ответы на которые изменились вчера.

Семён Аркадьевич предложил студентам небольшое испытание. Он называл номер статьи, а они должны были сообщить её содержание. Первый студент достал телефон.

— Без телефона!

— А на работе тоже без телефона?

— На работе можете хоть с телеграфом. Сейчас мы проверяем знания.

— Тогда давайте проверим, смогу ли я решить задачу клиента.

Семён Аркадьевич обиделся. Клиента в его экзаменационных билетах никогда не было. Там были субъект, объект, юридический факт и один гражданин, который вечно приобретал у другого гражданина имущество ненадлежащего качества. За тридцать лет преподавания этот несчастный так и не научился выбирать товар.

Сторож предложил устроить практическое занятие. Из будки он принёс договор на установку новой ограды.

— Вот заказчик, вот подрядчик. Деньги перечислены, ограда не установлена. Что делать?

Студенты немедленно принялись искать нормы. Семён Аркадьевич закрыл глаза и продекламировал несколько положений об обязательствах.

— Прекрасно, — сказал сторож. — А кому перечислены деньги?

Все замолчали.

Выяснилось, что договор заключён с одним предпринимателем, счёт выставил другой, а деньги получил третий. Последний приходился первому шурином и на вопрос о договоре отвечал, что в семейные отношения вмешиваться не следует.

— Теперь ищите статьи, — разрешил сторож.

Через двадцать минут студенты нашли множество полезных норм. Но ни одна из них не сообщала, где находится шурин.

Семён Аркадьевич первым попросил показать банковские документы. Потом уточнил, кто вёл переговоры, и выяснил, сохранилась ли переписка. Студенты отложили телефоны и начали задавать вопросы.

— Вот теперь, — довольно произнёс сторож, — у нас наконец появились юристы.

Память в юридической профессии никогда не была бесполезной. Хороший специалист узнаёт знакомую правовую проблему ещё до того, как открывает кодекс. Он понимает, какие

обстоятельства имеют значение, и не тратит утро на изучение законодательства о морских перевозках, если клиенту всего лишь не доставили холодильник. Но память нуждается в проверке. Законодательство меняется, а человеческий мозг, к сожалению, не снабжён кнопкой обновления.

В прежние времена юридическая библиотека занимала целую стену кабинета. Теперь она помещается в кармане. Стена освободилась, но некоторые специалисты немедленно повесили на неё дипломы, чтобы клиент не подумал, будто вместе с библиотекой исчезла квалификация.

Впрочем, и поисковая строка не всегда помогает. Спросите у неё, можно ли расторгнуть договор, и она выдаст столько вариантов, что к вечеру захочется расторгнуть отношения с интернетом.

Однажды, рассказал сторож, к нему пришёл директор небольшой фирмы. Директор самостоятельно подготовил договор, воспользовавшись бесплатными образцами. В первом пункте фирма продавала оборудование, в пятом сдавала его в аренду, а в последнем обязалась вернуть оборудование заказчику после окончания ремонта.

— Какую сделку вы хотели заключить? — спросил тогда сторож.

— Продать станок.

— А зачем здесь положение о выгуле животных?

— Это из хорошего договора. Там было много гарантий.

Директор искренне полагал, что чем больше гарантий, тем надёжнее документ. Он относился к договору как к зимней одежде: если надеть сразу всё, что есть в шкафу, замёрзнуть невозможно. Правда, двигаться тоже затруднительно.

Сторож не стал исправлять договор. Он попросил директора рассказать, о чём тот договорился с покупателем. Через полчаса на столе лежал лист с условиями сделки, а прежний документ отправился в корзину. Положение о выгуле животных директор забрал: у него как раз появилась собака.

— Сегодня к этому добавились программы, способные сочинить юридическое заключение, — заметил студент.

— Замечательное изобретение, — согласился Семён Аркадьевич. — Я попросил такую программу объяснить мне мою же лекцию. Она объяснила настолько понятно, что я впервые понял, зачем читаю эту лекцию.

— И как результат?

— В конце она сослалась на судебное решение, которого я не смог найти. Пришлось работать.

Сторож отвёл нас к небольшой скамейке. На ней сидел молодой человек и печатал что-то с выражением человека, которому удалось обмануть календарь.

— Что пишете?

— Заключение для клиента. Программа подготовила за минуту.

— А почему вы здесь уже второй час?

— Проверяю.

— Хорошая профессия, — сказал сторож. — Раньше мы два часа писали заключение и минуту проверяли. Теперь появилась возможность поменять занятия местами.

Молодой человек засмеялся и показал нам экран. Он нашёл ошибку в исходных данных: клиент указал дату подписания договора вместо даты его исполнения. Из-за этого менялся весь расчёт. Ни скорость программы, ни убедительность её формулировок не могли исправить обстоятельство, о котором ей не сообщили.

Семён Аркадьевич посмотрел на студентов и неожиданно предложил им пользоваться телефонами на следующем занятии. При одном условии: каждый ответ должен сопровождаться объяснением, почему найденная норма относится именно к обсуждаемому случаю.

— А если найдём две противоположные позиции?

— Тогда у вас будет настоящий семинар. И, возможно, у меня впервые за много лет появится интересная работа.

Мы оставили его среди студентов. Он уже спорил с ними о том, как толковать условие договора, и совершенно забыл про памятник.

Сторож достал блокнот и вычеркнул из перечня захоронений одну строку.

— Что вы делаете?

— Уточняю сведения. Похоже, мы преждевременно похоронили специалиста. Память оставим при нём. А вот убеждение, что клиент платит за количество известных юристу статей, пусть остаётся здесь.

На обратной стороне памятника обнаружилась ещё одна надпись. Её добавил кто-то из студентов: «Знал законодательство. Научился слушать людей».

Сторож прочитал её и ничего не сказал. Только попросил меня помочь повернуть бронзовый кодекс правильной стороной.

Презумпция невиновности, или Покойник, которого постоянно хоронят заживо

У соседней ограды работали двое могильщиков. Один копал яму, другой засыпал её с противоположной стороны. Оба были чрезвычайно заняты и, судя по выражению лиц, получали жалованье из разных бюджетов.

— Что у вас происходит? — спросил сторож.

— Исполняем поручение, — ответил первый.

— Устраняем последствия исполнения, — пояснил второй.

Между ними на складном стуле сидела пожилая женщина в светлом пальто и вязала носок. На её коленях лежала табличка с именем: Презумпция невиновности.

— Опять? — устало спросил сторож.

— Третий раз за неделю. В понедельник меня похоронили в газете, во вторник в интернете, а сегодня пришли родственники потерпевшего. Хорошие люди, принесли лопату.

Она примерила носок к ноге и распустила несколько петель.

— Вы, надеюсь, не собираетесь писать обо мне некролог?

— Мы пока собираем материал.

— Прекрасно. Только не начинайте с вывода. У меня на это аллергия.

В этот момент на дорожке появился мужчина с портфелем. Он представился председателем общественного комитета по окончательному установлению очевидного. Комитет был учреждён вчера вечером, когда в местном магазине пропала дорогая кофемашина.

— Подозреваемый установлен, — объявил мужчина. — Это наш сосед Борис. Мы даже подготовили обращение с требованием его наказать.

— А кофемашина?

— Пока не установлена.

— Улики?

— Борис пьёт кофе.

Женщина отложила вязание.

— А вы?

— Я предпочитаю чай.

— Значит, по вашей методике следствия вы не можете украсть чайник. Удобная система. Особенно для владельцев чайников.

Председатель обиделся. Из портфеля он извлёк фотографию Бориса, сделанную на прошлогоднем празднике. Борис держал в руках чашку и выглядел человеком, которому в тот момент не приходило в голову, что через год ему понадобится адвокат.

— Обратите внимание на улыбку.

— И что она доказывает?

— Отсутствие раскаяния.

— За год до происшествия?

— Именно. Даже не пытался скрыть.

Сторож попросил мужчину присесть. На кладбище имелась специальная скамейка для людей, которые уже всё выяснили, но ещё не начали разбираться.

Презумпция невиновности не требует считать каждого обвиняемого добродетельным человеком. Она вообще не занимается нравственной характеристикой граждан. Её дело гораздо прозаичнее: не позволять государству обращаться с обвинением как с установленной виновностью. В уголовном процессе обязанность доказывания обвинения лежит на стороне

обвинения, а не на человеке, которому предложено объяснить, почему он оказался неудобен окружающим.

В международном праве этот принцип закреплён, в частности, в статье 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года и статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года. Здесь речь идёт не о красивой традиции судебного этикета, а о существенной гарантии справедливого разбирательства.

— Но если он действительно украл? — спросил председатель.

— Тогда докажите, — ответила женщина.

— А если докажем?

— Тогда я не стану мешать суду вынести законное решение. У меня, между прочим, нет договора на обслуживание преступности.

На дорожке зазвонил телефон председателя. Из магазина сообщили, что кофемашину забрал мастер по гарантии. Документы о передаче обнаружились у управляющего в папке с инструкциями по пожарной безопасности.

Председатель помолчал.

— Ну, в любом случае Борис мог бы украсть.

— Вы тоже, — заметил сторож. — Но мы ведь не собираем по этому поводу подписи.

Мужчина ушёл, пообещав переименовать комитет. Теперь он намеревался бороться с недостатками учёта бытовой техники. В этом направлении у него действительно имелась доказательная база.

Женщина вернулась к вязанию. Могильщики потребовали подписать акт выполненных работ. Первый указал объём вынутой земли, второй — объём возвращённой. Сторож подписал оба акта и попросил больше не назначать им совместных смен.

Мы прошли к павильону, где хранились газетные вырезки. На одной стене висели сообщения об обвинениях, на другой — сообщения об оправданиях. Первая стена была вся заклеена. На второй оставалось достаточно места для окна, шкафа и небольшого рояля.

— Почему такая разница?

— Оправдание обычно менее занимательно, — сказала наша спутница. — Представьте себе заголовок: человек не совершил преступления. Кто станет покупать газету? По такой логике можно ежедневно выпускать несколько миллиардов новостей.

Она показала нам пустую рамку.

— Здесь должна была висеть публикация с извинениями. Редакция обещала прислать. Уже девять лет уточняет размер шрифта.

В павильоне появился адвокат с двумя стаканчиками кофе. Один он протянул женщине.

— Как дела в суде? — спросила она.

— Клиент возмущается. Говорит, что его оправдали недостаточно торжественно.

— А вы что?

— Предложил ему самостоятельно организовать банкет. Суд всё-таки не тамада.

Адвокат сел рядом. В его практике однажды случилось дело, в котором свидетели совершенно искренне ошиблись. Они видели похожего человека, слышали чужой пересказ событий и постепенно перестали различать собственные наблюдения и то, что узнали позднее. Никто из них не собирался лгать. Именно поэтому работать с их показаниями оказалось особенно трудно.

— Лжеца иногда выдаёт желание убедить, — сказал адвокат. — А добросовестно заблуждающийся свидетель способен убедить даже себя.

— И как вы справились?

— Сопоставили показания с документами. Пришлось испортить несколько очень красивых версий. Одна была настолько хороша, что я чуть не пожалел об отсутствии у неё фактического основания.

Женщина улыбнулась. Она знала, сколько труда требуется для того, чтобы отличить уверенность от достоверности. В уголовном деле цена этой разницы измеряется не количеством удачных выступлений, а человеческой судьбой.

Сторож вынул из кармана ключ от павильона.

— Закрывать?

— Нет, — ответила она. — Оставьте открытым. Сегодня обещали привести ещё одного человека, который требует доказать, что он не виноват. Надо объяснить ему, что он перепутал должностные обязанности участников процесса.

Мы попрощались. На выходе я заметил, что на её табличке нет даты смерти.

— Забыли поставить?

— Не забыли, — сказал сторож. — Она у нас вообще числится в штате. Просто некоторые посетители принимают её рабочее место за могилу.

За оградой председатель комитета уже разговаривал с Борисом. Он приглашал его возглавить комиссию по проверке магазина. Борис согласился при условии, что на заседаниях будут подавать кофе.

На этот раз у председателя хватило благоразумия не считать это признанием.

Адвокатская тайна, или Секрет, который хотят знать все

У павильона адвокатской тайны продавали билеты на экскурсию. За обычный билет посетителю обещали показать дверь. За дорогой — ту же дверь, но с другой стороны.

— А внутрь? — спросил мужчина в клетчатом пиджаке.

— Внутрь нельзя.

— Тогда за что я плачу?

— За возможность убедиться, что другим тоже нельзя.

Мужчина подумал и купил два билета. Второй предназначался его деловому партнёру, которому он не доверял.

За дверью послышался звон посуды. Вышла пожилая адвокатесса с чайником. Сторож представил её как хранительницу павильона. Она предложила нам чай и попросила мужчину в клетчатом пиджаке отойти от замочной скважины: сквозило.

— У меня, собственно, деловое предложение, — объяснил тот. — Мой партнёр вчера консультировался у вашего коллеги. Хотелось бы узнать, по какому вопросу.

— Обратитесь к партнёру.

— Так я именно поэтому к вам и пришёл. Он не говорит.

— Значит, у него уже есть необходимые навыки для общения с адвокатом.

Мужчина ушёл обиженный. Через минуту вернулся и спросил, можно ли получить хотя бы счёт за консультацию партнёра. Получив отказ, он окончательно уверился, что партнёр замышляет нечто дорогостоящее.

Хранительница разлила чай. В молодости ей приходилось объяснять клиентам, что адвокатская тайна существует прежде всего в их интересах. Клиенты обычно соглашались, пока речь шла об их собственных секретах. В отношении секретов противника они придерживались значительно более прогрессивных взглядов.

Однажды предприниматель привёл к ней бухгалтера и попросил составить договор о конфиденциальности.

— С кем?

— Со всеми.

— Кто будет подписывать?

— Все.

— А что именно нельзя разглашать?

Предприниматель посмотрел на бухгалтера. Бухгалтер посмотрела на предпринимателя. Оба попросили другого выйти из кабинета.

Пришлось назначить отдельные встречи. В конце концов выяснилось, что предприниматель скрывал от бухгалтера намерение продать фирму, а бухгалтер от предпринимателя — намерение уйти на пенсию. Сделка не состоялась: покупатель хотел приобрести фирму вместе с бухгалтером, поскольку только она знала пароль от программы учёта.

— Удивительное дело, — сказала хранительница. — Двадцать лет человек владел предприятием, а при продаже обнаружил, что его основной актив собирается выращивать помидоры.

Она достала из шкафа пустую папку. На корешке значилось: «Для посторонних».

— Некоторые считают, будто адвокатская тайна придумана для сокрытия преступлений. Но представьте врача, который сообщает работодателю пациента всё услышанное на приёме. Сколько пациентов станут подробно рассказывать ему о своих симптомах? Юристу тоже нужны

факты, включая неприятные. Иначе он лечит договор от насморка, когда у договора уже перелом позвоночника.

Конфиденциальность профессионального общения имеет давнюю историю. В разных правовых системах её содержание, пределы и способы защиты складывались неодинаково. Не следует смешивать обязанность адвоката хранить сведения с процессуальными гарантиями, ограничивающими возможность принудительного раскрытия таких сведений. Они связаны, но не во всём совпадают. Конкретные исключения определяются применимым законодательством.

В это время к павильону подъехала тележка с почтой. Почтальон принёс запрос от некоего управления. Управление просило сообщить, обращался ли к адвокату гражданин Петров, а если не обращался, то указать причины.

— Последнее особенно интересно, — заметил сторож. — Теперь от адвоката требуется знать мотивы людей, которых он никогда не встречал.

Хранительница отложила письмо для подготовки ответа. Следом обнаружился конверт от самого Петрова. Тот просил не сообщать жене, что он консультировался по поводу развода, и одновременно требовал направить счёт за консультацию на её электронную почту: свою он забыл.

— Вот с такими противоречиями и работает профессия, — вздохнула она.

В саду за павильоном стояла скамья для ожидающих клиентов. На ней сидела молодая женщина с объёмной сумкой. Она пришла посоветоваться насчёт наследства, но прежде хотела узнать, не станет ли её история известна соседям.

— Соседи у вас юристы?

— Нет, пенсионеры.

— Тогда опасность, вероятно, исходит не от нашей конторы.

Женщина рассмеялась и впервые за всё утро перестала прижимать сумку к груди. Внутри оказались семейные письма, фотографии и документы. Она боялась, что её сочтут жадной: родственники уже успели поделить имущество умершей бабушки, не спросив её мнения.

Хранительница пригласила посетительницу в кабинет. Мы остались снаружи. Сторож прикрыл окно, выходившее на скамейку.

— Вот вам и весь секрет, — сказал он. — Человеку должно быть куда прийти со своей бедой, не опасаясь, что завтра она станет темой чужого обеденного разговора.

Из соседнего помещения вышел стажёр с телефоном. Он собирался опубликовать в социальной сети рассказ об интересном деле, предварительно заменив имена участников.

— А город? — спросила хранительница, вернувшись за очками.

— Оставил.

— Должности?

— Оставил.

— Размер спорной суммы?

— Конечно. В ней вся соль истории.

— Прекрасно. Вы сохранили анонимность примерно так же, как человек, который надел маску на собственный памятник.

Стажёр убрал телефон. Ему поручили подготовить вымышленный учебный пример, не позволяющий опознать доверителя. Через час он принёс историю о споре двух владельцев воздушных шаров на Луне. Хранительница прочитала и попросила заменить Луну на обычный город: правовая задача от этого не пострадает, зато не придётся выяснять подсудность кратера.

К вечеру у павильона вновь появился мужчина в клетчатом пиджаке. На этот раз он сам хотел получить консультацию.

— Только партнёру ни слова, — предупредил он.

— Разумеется.

— Даже если предложит деньги?

— Даже если купит годовой абонемент на экскурсии.

Мужчина заметно повеселел. Впервые за день он увидел в адвокатской тайне полезный институт. Сторож записал его в книгу посетителей и проводил до кабинета.

На обратном пути я спросил, почему павильон находится именно на кладбище, если его обитательница вполне здорова.

— Для профилактики, — ответил сторож. — Пусть видит, куда попадают учреждения, которые перестают выполнять своё назначение. А пока она работает, мы даже могилу копать не станем. Земля дорогая, да и лопату жалко.

Письменная форма права, или Договор на сорок страниц о покупке табуретки

За павильоном адвокатской тайны обнаружился мебельный магазин. На витрине стояла одна табуретка, а всё остальное пространство занимали папки.

— У вас мебель закончилась? — спросил я продавца.

— Нет, договор ещё не согласован.

Продавец оказался владельцем магазина, покупателем собственной табуретки и единственным участником переговоров. Несмотря на столь благоприятное соотношение сторон, переговоры шли третью неделю. Два юриста, нанятые им для представления противоположных интересов, уже перестали здороваться.

Первый настаивал на том, что табуретка должна выдерживать покупателя. Второй требовал уточнить, какого именно покупателя, в каком состоянии и в течение какого времени. Вопрос о возможности одновременного нахождения на табуретке покупателя и его правопреемника вынесли в отдельное приложение.

— А цена? — поинтересовался сторож.

— Пять тысяч.

— За табуретку?

— За очередную редакцию договора. Табуретка дешевле.

В углу сидел плотник. Он принёс изделие ещё в начале месяца и теперь наблюдал, как его нехитрая конструкция обрастает обязательствами. Четыре ножки оставались единственными элементами сделки, относительно которых стороны достигли предварительного согласия.

— Я могу пятую приделать, если вам так спокойнее, — предложил он.

Юристы переглянулись. Возник вопрос о существенном изменении предмета договора.

Сторож взял со стола проект и прочитал пункт о порядке эксплуатации. Покупателю запрещалось использовать изделие способом, противоречащим его функциональному назначению.

— А если я на неё поставлю цветок?

Юрист продавца попросил перерыв. Юрист покупателя потребовал включить в договор определение цветка. Плотник встал и ушёл обедать.

В письменной форме сделки есть вполне земной смысл. Человеческая память обладает удивительной способностью улучшать условия соглашения задним числом. Особенно заметно это в отношении цены. Продавец помнит, что обещал скидку при покупке двух вещей. Покупатель уверен, что скидка полагалась за приятную беседу. Свидетель разговора помнит исключительно то, что ему обещали кофе.

Письменный договор позволяет вернуться к согласованным условиям, когда память участников начинает работать в интересах их семейного бюджета. Однако сам факт существования документа ещё не гарантирует, что стороны поняли друг друга.

В магазине тем временем появился бухгалтер. Он прочитал договор и обнаружил, что стоимость доставки табуретки не включена в цену.

— Доставка откуда?

— Отсюда до двери.

— Но дверь в двух метрах!

— Расстояние не освобождает от необходимости определить момент исполнения обязательства.

Бухгалтер предложил вынести табуретку самостоятельно. Юрист продавца поинтересовался, не является ли бухгалтер перевозчиком. Бухгалтер ответил, что с этой минуты он явля-

ется исключительно посетителем магазина и просит не вовлекать его в хозяйственную деятельность.

Владелец вздохнул и подписал распоряжение о сокращении договора. Юристы подготовили соглашение о порядке сокращения. Оно заняло семь страниц, поскольку требовалось сохранить юридическую силу положений, которые предполагалось исключить.

Сторож позвал плотника обратно.

— Скажите, а если ножка сломается?

— Починю.

— За чей счёт?

— Если моя работа плохая, за мой.

— Когда?

— Принесёте утром, вечером заберёте.

Юристы записали ответы. За несколько минут они получили условия, которые прежде безуспешно пытались вывести из определения мебельной продукции. Плотник не был специалистом по договорному праву. Зато он знал, что именно способен сделать и за что готов отвечать.

Нельзя составить хороший договор, не разобравшись в самой сделке. Для продажи сложного оборудования может понадобиться подробное описание испытаний, гарантий, монтажа и распределения рисков. Для табуретки многие из этих подробностей окажутся лишними. Если же табуретка предназначена для лаборатории, где от её устойчивости зависит безопасность работников, требования к ней уже будут другими. Количество страниц определяется обстоятельствами, а не профессиональным самолюбием составителя.

У входа в магазин появилась пожилая женщина. Она осмотрела табуретку, села, немного покачалась и спросила цену.

— Восемьсот, — ответил владелец.

— Семьсот пятьдесят.

— Договорились.

Юристы вскочили одновременно. Один успел произнести слово «оферта», второй — «акцепт». Женщина положила деньги на прилавок, получила чек и ушла с табуреткой.

В магазине наступила тишина.

— А как же приложение о допустимых углах наклона? — растерянно спросил младший юрист.

— Продайте его отдельно, — посоветовал плотник. — Может, кто-нибудь стену оклеит.

Мы вышли на дорожку. Сторож нёс под мышкой экземпляр договора, который магазин подарил ему в качестве сувенира. На ближайшей скамейке он положил папку на сиденье и устроился сверху.

— Вот теперь документ действительно обеспечивает устойчивость, — сказал он. — Скамейка была мокрая.

За магазином стоял небольшой памятник письменной форме права. На камне не было даты смерти. Вместо неё красовалась медная пластинка с надписью: «Состояние удовлетворительное. Избыточный вес».

Рядом работала женщина с садовыми ножницами. Она подрезала кусты, выросшие вокруг памятника, и время от времени вынимала из ветвей листы бумаги.

— Опять договоры разрослись, — пожаловалась она. — Весной были на десять страниц, теперь уже до крыши достают.

Сторож представил её как редактора договоров. Она предложила нам посмотреть на два экземпляра одного соглашения. В первом было подробно описано, что стороны должны соблюдать действующее законодательство. Во втором этого пункта не было.

— Какой из них лучше защищает от нарушения закона? — спросила она.

— Сам по себе ни один, — ответил я.

— Вот. А клиент за первый заплатил больше. Решил, что закон без дополнительного напоминания может не действовать.

Редактор показала ещё один образец. В нём арендатор обязался нести ответственность за все обстоятельства, которые могут возникнуть в связи с использованием помещения.

— Даже за дождь? — спросил сторож.

— Составитель уверяет, что предусмотрел всё.

— Пусть тогда принесёт зонтик. В договоре его нет.

Она засмеялась и объяснила, что широкая формулировка порой скрывает отсутствие договорённости. Сторонам полезнее выяснить, кто ремонтирует крышу, кто оплачивает повреждения имущества и как сообщать об аварии, чем обмениваться обещаниями отвечать за всё на свете.

На дорожке нас догнал владелец мебельного магазина. В руках у него был телефон.

— Покупательница звонит! Говорит, хочет ещё две табуретки.

— Поздравляю.

— А юристы требуют выяснить, является ли это изменением первоначальной сделки или самостоятельным договором.

— И что вы решили?

— Отправлю плотника. Он хотя бы знает, сколько это ножек.

Кодификация, или Как законодатели пытались навести порядок в собственных законах

За мебельным магазином начиналась аллея, которую сторож называл законодательным лабиринтом. Войти в неё можно было с любой стороны, но выйти разрешалось только в порядке, установленном отдельным положением.

Посреди аллеи стоял человек с рулеткой. Он измерял расстояние между двумя памятниками и записывал результаты в тетрадь.

— Землемер? — спросил я.

— Систематизатор законодательства. Пытается установить границы действия двух нормативных актов. Уже третий год они накладываются друг на друга.

Человек услышал нас и подошёл.

— Господа, вы не знаете, где заканчивается общее правило?

— Обычно там, где начинается чья-нибудь льгота, — ответил сторож.

Систематизатор поблагодарил его и принялся измерять соседнюю ограду.

На площадке за поворотом возвышался необыкновенно широкий постамент. На нём лежала раскрытая каменная книга. Из книги торчали металлические закладки, а к каждой закладке была приварена ещё одна.

— Кодификация, — представил памятник сторож. — Замысел прекрасный: собрать разрозненные нормы, согласовать их и изложить в едином акте. Человечество периодически приходит к этой мысли, когда уже не может найти собственное законодательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.